

<https://doi.org/>
<https://elibrary.ru/>
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ДАЧНЫЙ ТОПОС В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

© 2023. М. В. Скороходов

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация. Биография и творчество К. Г. Паустовского дают богатый материал для раскрытия особенностей не только дачного топоса, но и феномена литературной дачи – места проживания писателей, того пространства, где создаются художественные произведения. Паустовский жил на дачах в Переделкине, Солотче, Старом Крыму, Тарусе. При выборе места для отдыха и работы приоритетными для него становилась возможность уединения, общения с интересными людьми, путешествия по окрестностям, желательно – занятия рыбной ловлей. Дачная жизнь нашла отражение во многих произведениях писателя («Мещерская сторона», «Золотая роза», «Черное море», «Последний черт», «Золотой линь», «Кот-ворюга», «Подарок», «Прощание с летом», «Кордон “273”», «Пустая дача», «Простой человек (О Конст. Федине)», «Рувим Фраерман», «Встречи с Гайдаром» и др.) и в его письмах. В статье показано, что для Паустовского – и в жизни, и в творчестве – значимы традиции русской «усадебной литературы», а занятия на даче и в ее окрестностях во многом совпадают с теми занятиями, которые характерны для обитателей русских помещичьих усадеб.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, дача, дачный топос, биография, творчество, рассказы, эпистолярное наследие.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Для цитирования: *Скороходов М. В.* Дачный топос в жизни и творчестве К. Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. научных статей. Вып. 2 / отв. ред. М. В. Скороходов. М.: МАКС пресс, 2023. С. 00–00. <https://doi.org/>

DACHA TOPOS IN THE LIFE AND WORK OF K. G. PAUSTOVSKY

© 2023. Maxim V. Skorokhodov

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Abstract. The biography and work of K. G. Paustovsky provide rich material for revealing not only the features of dacha topos, but also the phenomenon of literary dacha – the place where writers live, the space where artistic works are created and dacha topos is creatively embodied. Paustovsky lived in dachas in Peredelkino, Solotcha, Stary Krym, Tarusa. When choosing a place for rest and work, he focused on the need to provide solitude, communication with interesting people, trips to the surroundings, if possible – fishing. Dacha life is reflected in many of the writer's works (*The Meshcherskaya Side, The Golden Rose, The Black Sea, The Last Devil, The Golden Fox, The Stealing Cat, The Gift, Farewell to Summer, Cordon 273, The Empty Dacha, The Simple Man (About Konstantin Fedin), Ruvim Frayerman, Meetings with Gaidar*, etc.) and in his letters. The article shows that for Paustovsky – both in his life and in his work – the traditions of Russian “estates house literature” are significant, and the occupation in the dacha and its surroundings largely coincides with those occupations that are characteristic of the inhabitants of Russian estates.

Keywords: K. G. Paustovsky, dacha, dacha topos, biography, creativity, short stories, epistolary heritage

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

For citation: *Skorokhodov, Maxim V. Dacha Topos in the Life and Work of K. G. Paustovsky Creative heritage of Konstantin Paustovsky in the XXI century: Collection of scientific articles. Vol. 2, ex. ed. Maxim V Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023. pp. 00–00. (In Russ.) <https://doi.org/>*

С конца XIX в. в русской литературе наряду с усадебным топосом все более значимым становится дачный топос. Отметим, что и в период расцвета усадебной культуры в России многие дворянские усадьбы обживались только на летнее время, т. е. по представлениям людей рубежа XIX–XX вв. могли бы называться именно дачами. Дачная культура и, соответственно, дачный топос русской литературы наиболее активно формируются с последних десятилетий XIX в. На дачах жили как А. Н. Майков, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Плещеев, С. Я. Надсон, так и А. А. Блок, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. И. Чуковский и многие другие писатели. Необходимо учитывать, что уже «с середины XIX в. с дачей в русской литературе и культуре связан устойчивый комплекс значений, представлений и практик, существенно отличных как от города, так и от усадьбы»¹. Как справедливо отмечает О. А. Богданова, в более позднее время, в русской литературе XX – начала XXI в., «именно дача, в силу культурно-исторических обстоятельств потеснившая усадьбу и принявшая на себя ряд ее функций, становится одной из важнейших форм репрезентации художественного пространства»². Мнение, высказанное Е. Е. Дмитриевой и О. Н. Купцовой, – «Идеал усадебного рая, образ сада как модели земного Эдема в дачном пространстве принци-

---

¹ Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 76.

² Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 12–13.

пиально отсутствуют, будучи заменены в поэтическом выражении фюфановскими «укропом и крапивой», а в бытийном – пошлостью и прагматизмом»¹, – справедливо для большинства, но не для всех вариантов дачной жизни. Писательская дача начала XX в. и советского времени унаследовала многие важные элементы усадебной культуры, а ее обитатели – характерные для владельцев усадеб занятия, при этом дача воспринималась как пространство для отдыха, творчества и непринужденного общения. Писатели и другие деятели культуры, представители интеллигенции, своими руками основывая в первые десятилетия прошлого века дачи на трудно поддающейся окультуриванию крымской земле, а в советские годы – и в других местах, мечтали о хотя бы небольшом, но своем собственном участке, о домике, окруженном цветущим и плодоносящим садом. И Эдемский сад был одним из типологически значимых образцов такого идиллического пространства. Н. Е. Тропкина справедливо отмечает, что «пространство дачи наследует отдельные грани семантики усадебного пространства, наделяется его функциями, в частности связанными с устойчивым мотивом сохранения родовой памяти...»².

Исследуя специфику дачного топоса, процессы формирования дачного мифа, особенности литературной дачи советского и постсоветского времени, О. А. Богданова подчеркивает: «Особая дачная поэтосфера начала формироваться еще в 1920–1930-е гг., в частности в пространстве литературных дач В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака, К. Г. Паустовского, К. И. Чуковского и др. Очевидно, что <...> дачный дом становился особым художественным топосом»³.

Биография и творчество Паустовского дают нам ценнейший материал для раскрытия особенностей не только дачного топоса, но и феномена литературной дачи. Писатель имел богатый опыт дачной жизни, он жил на дачах в Переделкине, Солотче, Старом Крыму, Тарусе. При выборе места для отдыха и работы приоритетными для

---

¹ Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. С. 161.

² Тропкина Н. Е. Художественная семантика дачного топоса в русской поэзии второй половины XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (68). С. 128.

³ Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. С. 20.

него становилась возможность уединения, общения с интересными людьми, путешествия по окрестностям, желательно – занятия рыбной ловлей.

На собственной даче в Переделкине Паустовский прожил недолго, но он неоднократно бывал на дачах друзей и знакомых, отдыхал в Доме творчества писателей. Это подтверждает переписка – нередко Паустовский отправлял корреспонденцию из Переделкина либо адресовал письма в этот дачный писательский поселок, сообщая о планируемых или неосуществленных поездках туда.

В очерке «Простой человек (О Конст. Федине)» (1962) Паустовский упоминает ранний рассказ К. А. Фебина «Сад», выпущенный в 1922 г. издательством «Петроград» с подзаголовком: «На конкурсе Дома литераторов в Петрограде удостоен первой премии». Отметим, что это произведение, уже название которого значимо для нашей «усадебно-дачной» темы, получило высокую оценку М. Горького, по предложению которого «вместе с рассказом Зощенко “Виктория Казимировна”» было переведено на французский язык и напечатано «в журнале “Disque vert” (Paris – Bruxelles), 1923, № 4–6, с предисловием Горького, посвященным характеристике группы “Серрапионовы братья”»¹. Для Паустовского же рассказ «Сад» важен как первое знакомство с творчеством неизвестного ему литератора, как текст, подтверждающий, что «начала советской литературы исходят из живой связи с великой литературой нашего недавнего прошлого»². Очное знакомство двух писателей состоялось лишь многие годы спустя, летом 1941 г., незадолго до начала Великой Отечественной войны, на фебинской даче в Переделкине. Паустовский вспоминал в очерке о жизни на этой даче несколькими месяцами позже, после возвращения с Южного фронта: поселился «у Фебина – в мою квартиру в Москве попала бомба» [VII, 514]. Об этом же Паустовский сообщит Р. И. Фраерману 9 октября 1941 г.: «...жил больше у Фебина в Переделкине» [IX, 189]. В Государственном музее К. А. Фебина в Саратове

---

¹ Горький – Федин [Переписка] // Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 468.

² Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1983. С. 513. Далее это издание цитируется с указанием в тексте после цитаты тома и страницы.

хранится ряд писем Паустовского, адресованных на дачу Федина в Переделки, как порой называли свой поселок писатели. В период проживания у Федина Паустовский вместе с ним занимался любимым в минуты отдыха делом – ловлей рыбы. Многие годы спустя он отметит в очерке «Простой человек (О Конст. Федине)»:

Мы выходили на пруд на рассвете, но все же никак не могли спастись от Юрия Слезкина. Он вставал очень рано, застигал нас на пруду и посмеивался над нами ядовито, но настолько вежливо, что при всем нашем желании «схватиться» с ним это не удавалось [VII, 518].

И потом рыболовы, поймав шесть карпов, с особым удовольствием шли, хотя им было и не по дороге, мимо Дома творчества, стараясь, чтобы все писатели увидели их богатый улов.

Дачный писательский поселок Паустовский упоминает также в рассказе «Дружище Тобик» (о собаке Александра Грина).

Длительной и творчески плодотворной была дачная жизнь Паустовского в Солотче под Рязанью в доме, принадлежавшем ранее художнику-граверу И. П. Пожалостину. В 1930–1940-е гг. этот дом, в котором живут, отдыхают и работают Паустовский, А. П. Гайдар, Фраерман, Андрей Платонов, А. И. Роскин, В. С. Гроссман, Г. П. Штурм, С. А. Бондарин и др., где бывает К. М. Симонов, становится настоящей «литературной дачей»¹ – это и место проживания прозаиков и их гостей-писателей, и то пространство, где создаются их произведения, и воплощающийся в их творчестве дачный топос Солотчи. С историей обитателей этого дома связан сюжет одного из наиболее известных рассказов Паустовского – «Телеграмма». «Все, что описано в этом рассказе (примерно), произошло с дочерью Пожалостинной, глубокой старушкой, которую я еще застал в живых», – отмечал автор в письме к А. А. Севастьяновой 24 октября 1962 г. [IX, 416].

Хотя этот двухэтажный деревянный дом, в котором провел последние годы жизни выходец из крестьян Пожалостин, нередко называют усадьбой, он больше напоминает жилище разбогатевшего крестьянина. Это подтверждает и история его строительства: еще до отмены крепостного права, в 1857 г., Пожалостин, тогда еще волостной писарь, построил небольшой дом, в 1880 г. по его проекту был возведен двухэтажный дом на каменном фундаменте. Рядом появи-

---

¹ Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. С. 20.

лись банька и небольшой сад. Уйдя в отставку, в 1894 г. художник с семьей переселяется из Санкт-Петербурга в Рязань, а дом в Солотче фактически использует в качестве дачи.

Об истории этого дома, в котором писатели так же, как и бывший владелец, скончавшийся в 1909 г., жили как дачники, Паустовский рассказал в главе «Зарубки на сердце» книги «Золотая роза» (1955). О ней же он пишет в очерке «Рувим Фраерман» (1948):

С 1932 года каждое лето, осень, а иногда и часть зимы Фраерман проводит в Мещерском крае, в селе Солотче <...>. Постепенно Солотча стала второй родиной и для друзей Фраермана. Все мы, где бы мы ни находились, куда бы нас ни забрасывала судьба, мечтали о Солотче, и не было года, когда бы туда, особенно по осени, не приезжали на рыбную ловлю, на охоту или работать над книгами и Гайдар, и Роскин, и я, и Георгий Штурм, и Василий Гроссман, и многие другие [VII, 416].

В главке «Родина талантов» повести «Мещерская сторона» (1939) Паустовский вспоминает, что поселился в Солотче в совсем небольшом домике местной жительницы и лишь спустя некоторое время узнал, что совсем близко расположен дом известнейшего гравера Пожалостина, в котором живут теперь его дочери. «Долго я не мог свыкнуться с мыслью, – пишет Паустовский, – что рядом, за стеной, в темноватых комнатах старого дома, лежат редчайшие книги по искусству и медные гравированные доски» [III, 626]. И на следующее лето писатель снимает у наследниц Пожалостина баньку в саду, который напоминает крошечный заброшенный усадебный сад, соединенный с парковой зоной: «Сад был заглохший, весь в сирени, в одичалом шиповнике, в яблонях и кленах, покрытых лишаями» [III, 627]. Своему необычному жилищу Паустовский посвятил отдельную главку – «Мой дом». В баньке, которая не используется по прямому назначению, печка и две комнаты, однако рассказчик редко там ночует – «Большинство ночей я провожу на озерах, а когда остаюсь дома, то ночую в старой беседке в глубине сада» [III, 630]. Позже рассказчик поселится в главном доме – «занял одну комнату в гулком, большом доме с почернелыми бревенчатыми стенами» [III, 220].

О Солотче как месте отдыха Паустовский неоднократно упоминает в письмах. Так, 1 августа 1930 г. он пишет Е. С. Загорской-Паустовской:

Я бы с радостью провел отпуск где-нибудь в Солотче, на воде, в лесах, ловил бы рыбу и очень бы отдохнул. <...> О Солотче я думаю еще и потому, что для поездки на юг надо много денег [IX, 83].

Адрес писателя в то время такой: «Солотча, Московской области, Рязанского района, дом Пожалостиных» [IX, 119]; «Солотча, Московской области, Рязанского района, дом 80» [IX, 142].

В годы Великой Отечественной войны благодаря Паустовскому, много рассказывавшему об этом замечательном крае – о Мещере, – становится все больше писателей, планирующих посетить Солотчу. В письме к С. М. Навашину от 29 апреля 1943 г. из Москвы Паустовский сообщает: «...все просят приезжать в Солотчу – Федины, и Новиков-Прибой, и Никитин, и даже Завадский с Улановой» [IX, 218].

Нельзя не отметить, что, как и для многих «усадебных авторов», для писателей-дачников важна не только собственно та территория, на которой расположен дом, но и окрестности, часто весьма отдаленные. Если владельцы усадеб XIX в. испытывали особую страсть к охоте, что отразилось в их литературном наследии, то для обитателей солотчинской литературной дачи важны различные варианты времяпрепровождения, сопряженные с единением с природой. Об этом Паустовский рассказывает, в частности, В. В. Навашиной в письме из Солотчи от 10 сентября 1936 г.:

Я ничего не писал тебе о нашей жизни. Мы были с Мишей на Промоине, фантастической Старице, Канаве ловили, жарили на кострах шашлык, мокли под дождями, много бродили. 7-го днем мы пошли на Прорву, на то место, где была с нами последний раз. Ночевали на Прорве в палатке. Ночь была очень теплая, мы натаскали сена и крепко спали до рассвета, хотя и шел дождь. Провели на Прорве весь день – серый, пустынный и ветренный, – было хорошо, но печально. В лугах зацвели какие-то яркие желтые цветы и масса гвоздики и красного шиповника, вода в Прорве стала совершенно прозрачной и зеленой и пахнет морем, водяные лилии уже вянут и умирают [IX, 121].

В то же время в письмах к Навашиной Паустовский регулярно сообщает о делах – о том, что по договоренности с редакциями газет и журналов пишет для них, просит организовать перепечатку на пишущей машинке присланных текстов, созвониться с издателями и т. п. «Я начал работать и хожу на рыбную ловлю редко» [IX, 122], – отмечает Паустовский в одном из посланий. Сыну, В. К. Паустовскому, он пишет 9 августа 1937 г. из Москвы: «На днях

поеду в Солотчу и засяду там за работу на всю осень, – летом я много ездил и работать не успевал» [IX, 142]. Впрочем, бывают и противоположные варианты солотчинской жизни. Одно из свидетельств этому – письмо Паустовского Фраерману от 11 мая 1938 г. из Старого Крыма: «Я работаю с таким расчетом, чтобы в Солотче ни черта не делать, – только ловить рыбу, отдыхать и читать» [IX, 153]. Однако эти слова говорят и о том, что в тот год местом активного творчества стала для Паустовского другая дача – в Старом Крыму. Если дом в Солотче был дорог для Паустовского памятью о Пожалостине, то старокрымский – об А. С. Грине.

Солотча становится, в том числе и благодаря произведениям Паустовского, все более привлекательным для дачников пространством. На Прорве во время рыбалки Паустовский встречает «очень скромного молодого рыболова-интеллигента», который приехал в эти места со «старухой-матерью» после того, как прочитал рассказ «Вторая родина» [IX, 155]. С течением времени Солотча все более утрачивает свою уединенность, которая в первую очередь и привлекала Паустовского, становясь популярным дачным местом. Писатель, живя в Солотче, 6 августа 1938 г. делится мыслями с сыном:

Солотча очень испортилась, – вся запружена дачниками, по главной улице автомобили носятся непрерывно, как в Москве, и рыбы почти не стало. Чтобы поудить по-настоящему, приходится уходить на Черное озеро и даже дальше, на Поганенькое – очень глухое озеро с зыбучими берегами. <...> Дачников много даже на Сегдене [IX, 156].

В очерке «Встречи с Гайдаром» (1951) Паустовский подчеркивает, что творческая работа во время пребывания на даче в Солотче увлекала не его одного:

Потом те фразы, которые я слышал в заглушем и тенистом дачном саду, я встретил, как старых и добрых друзей, на страницах «Судьбы барабанщика», когда Гайдар принес мне в Москве только что вышедшую эту книгу.

– Вот эту фразу, – напомнил я Гайдару, – ты говорил, когда дожевывал яблоко. Штрифель [VII, 420].

Паустовский, физически крепкий человек, который в 1930-е гг. мог с легкостью преодолеть долгий путь, ночевать в совершенно не приспособленном для жизни месте, не считал себя дачником, к которым относился с явным пренебрежением. Об этом сви-

детельствует его письмо Навашиной от 8 апреля 1938 г.: «...Арон <А. И. Эрлих. – М. С.> – дачник, прошел два километра и совершенно раскис, – для Солотчи он не годится» [IX, 149].

Для Паустовского в течение нескольких лет были важны крымские дачи, которые он снимал на непродолжительное время. В Старый Крым он приезжал с 1934 г., в мае – июле 1938 г., находясь там, готовил к изданию книгу «Повести и рассказы» и очерки о Левитане, Кипренском, Шевченко. «...весь Старый Крым в цвету, в распустившихся орехах и каштанах <...>, неправдоподобный воздух (очень душистый, мягкий и прозрачный). <...> Я работаю (здесь очень хорошо работать в саду)» [IX, 152–153], – пишет Паустовский в Москву Фраерману 11 мая 1938 г. Известен дом, где жили в тот приезд Паустовские, – улица III Интернационала, 98 (ныне улица Суворова, дом перестроен).

Одно из посещений Старого Крыма – в 1949 г. вместе с будущей женой Т. А. Евтеевой. В принадлежавшем медсестре В. Р. Олейниковой (Рутковской) доме по улице К. Либкнехта, 31, в котором жил тогда писатель, со временем откроется посвященный ему музей. После 1949 г. Паустовский, приезжая в Старый Крым, останавливался у соседки и подруги Рутковской – М. В. Бреннер, которая хорошо знала Грина. Бывал он и на других крымских дачах. Например, в главе «Сказочник» повести «Черное море» (1935) описывается дом Грина:

Он белел в густом саду, заросшем травой с пушистыми венчиками. <...> Маленький дом был прибран и безмолвен. За окном легкой тучей лежали далекие горы. <...> Простая и суровая обстановка была скрашена только одной гравюрой, висевшей на белой стене, – портретом Эдгара По [II, 153].

Однако в предвоенные и военные годы Паустовского тянуло в Солотчу – в полюбившиеся ему места. Он пишет 11 мая 1938 г. Фраерману из Старого Крыма:

...мы мечтаем о Солотче и считаем дни до отъезда. Особенно здесь Солотча ощущается, как родина, а Промоина и Прорва, даже во время теплого и тихого дождя, кажутся чем-то необыкновенным. Обязательно пойдем на Боровые озера [IX, 152].

Или о том же Фраерману 8 мая 1942 г. из Алма-Аты:

Если бы можно было переехать в Солотчу, – я готов был бы там голодать, лишь бы увидеть хотя бы один лист ивы на Прорве. Теперь

я понимаю, почему люди умирают от тоски по родине, от ностальгии [IX, 198].

Ему же 2 июля 1942 г. из Алма-Аты в Солотчу с просьбой: «Поклонитесь от меня Старице, и Канаве, и Промоине, и Прорве, и каждой иве, и каждой травинке в лугах. И саду и беседке, если она цела» [IX, 200].

Весной 1943 г. бывшая крестьянская усадьба Пожалостина, окончательно ставшая дачей, переходит в собственность писателей. «Провели в Солотче пять дней, купили дом, устраивали множество хозяйственных дел (землю под огороды, семена, дрова, сено, навоз и т. под.)» [IX, 215], – сообщает Паустовский С. М. Навашину.

Солотча и в послевоенные годы являлась для Паустовского тем местом, где он с удовольствием отдыхал от городской жизни. Так, 7 июня 1947 г. он писал Федину: «...уезжаю в благословенную Солотчу. Хочется отдалиться от литературных дел хотя бы на 200 километров, – иначе я заболею от отвращения» [IX, 254]. И далее конкретизировал, что отправляется в путь на машине, «со всеми рыболовными снастями, резиновыми лодками и пуделем» [IX, 255]. В то время Солотча для Паустовского – место, где можно «спрятаться от шума, людей и всей этой выматывающей суеты» (из письма Фраерману от 9 июля 1949 г.; [IX, 268]).

Дача, часто именуемая Паустовским деревенским домом, – место создания очерка «Кордон “273”» (1948), об этом рассказчик сообщает в первом же предложении: «Этот очерк написан в мезонине деревенского дома» [VI, 407]. Дачный мир, постройка, помнящая «бывшего владельца этого деревенского дома, давно умершего художника» [VI, 407] – островок стабильности в быстро меняющемся мире. В отсутствии людей здесь ничего не происходит, все вещи, каждая из которых имеет свою историю, остаются на своих местах, храня память о владельцах:

На днях я – последний обитатель большого пустующего дома – уеду в Москву, а все вещи: и барельеф, и портрет Гарибальди, и старая лампа с рисунком водяной мельницы, и стол, и букет иван-чая, – все это безропотно останется здесь зимовать. И так странно, вернувшись через год, увидеть все эти вещи на тех же местах и, увидев, понять, что год прибавил седины и опыта, а здесь все неизменно, и только, может быть, гравюра стала чуть-чуть желтее [VI, 407–408].

До 1953 г. Паустовский жил в Солотче, а в середине 1950-х гг., стремясь выбрать наиболее уединенное место, куда было бы не так просто добраться из Москвы с учетом все более быстрого транспорта, обустроил себе дачу в Тарусе на той же Оке, которая протекает и в окрестностях Солотчи. В письме к М. Л. Слонимскому от 13 апреля 1955 г. из Москвы писатель упоминает «крошечный домик на берегу Оки в живописном городишке Таруса» [IX, 307–308]. В последующие годы дом был значительно расширен, преобразился и был с любовью украшен цветами небольшой дачный участок, выходящий на бурлящую внизу реку Тарусу. Дача в Тарусе становится творческой лабораторией писателя – уже в первый период жизни здесь, летом 1955 г., он завершает «Золотую розу». В те дни Паустовский писал Б. С. Евгеньеву: «Здесь хорошо, очень захолустно, но места вокруг чудесные, – много леса, грибов и ягод. Живем у самой Оки в лачуге, единственным украшением которой являются цветы» [IX, 310]. И уже с первых месяцев жизни в Тарусе Паустовский начинает превозносить ставшее дорогим для него пространство, выстраивает литературную традицию. В одном из писем он сообщает:

По Оке ходят крошечные пароходы, на которых ездили Чехов и Левитан, а также поэт Бальмонт, живший в качестве дачника в Тарусе. <...> в Тарусе жили и живут многие художники – Поленов <...> Крымов, Ватагин, тончайший Борисов-Мусатов [IX, 311].

Любовь Паустовского к Тарусе отразится не только в целом ряде его произведений, но и в уникальном замысле – подготовке и издании альманаха «Тарусские страницы».

Жизнь в Тарусе была для Паустовского предпочтительнее, чем в Переделкине, где в Доме творчества писателей он попадал «в самую гущу (отраженную) событий», которыми «сыт до тошноты» (из письма к Д. С. Данину от 8 апреля 1963 г.) [IX, 421], однако именно там, в Переделкине, как свидетельствует письмо Паустовского к Л. Н. Делекторской от 3 июля 1963 г., он «после большого перерыва начал работать над шестой автобиографической книгой» [IX, 421] «Повести о жизни».

Дачный топос актуален для многих произведений Паустовского, в которых описываются различные случаи, которые привлекают внимание рассказчика-наблюдателя в окрестностях дачи. Этот рассказ-

чик, как показывает анализ текстов, не считает себя деревенским жителем, он оценивает все со стороны, не столь хорошо знает особенности местного бытия, как те люди, которые постоянно живут в деревне.

Рассказы, в которых не описывается дачная жизнь и дачный быт, могут быть отнесены к «дачной литературе» в тех случаях, когда в роли рассказчика выступает дачник – человек, не проживающий постоянно в деревне, а приезжающий сюда на время, наблюдающий за происходящим со стороны, но с нескрываемым интересом. Показательны в этом отношении произведения второй половины 1930-х гг., относящиеся к солотчинскому периоду творчества писателя.

Главный герой рассказа «Последний черт» (1936) дед Митрий, которого местные жители зовут «Десять процентов», в качестве проводника ведет дачников на поиски черта, о встрече с которым он неоднократно вспоминал.

Рассказ «Золотой линь» (1936) посвящен рыбалке – одному из наиболее распространенных занятий дачников. Рыбной ловле, как говорили ранее ужению, отдавали свое время и владельцы усадеб, и арендаторы дач, и люди, постоянно проживавшие в сельской местности. Отметим, что в Музее К. Г. Паустовского сохранилась принадлежавшая писателю книга С. Т. Аксакова «Записки об ужении рыбы».

В рассказе «Кот-ворюга» (1936) приводится краткое описание дачи, которую атаковал кот:

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу.

Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нем только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озер. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях [VI, 150].

Из рассказа «Подарок» (1940) мы узнаем еще об одном занятии, которое сближало жителей усадеб и дач. Внук лесника Ваня Малявин, «мальчик лет пятнадцати», «часто приходил к нам в деревню из дедовской сторожки с Урженского озера и приносил то кошелку белых грибов, то решето брусники, а то прибежал просто так – погостить у нас, послушать разговоры и почитать журналы “Вокруг света”».

Толстые переплетенные тома этого журнала валялись в чулане вместе с веслами, фонарями и старым ульем» [VI, 257].

Усадебное и дачное чтение – особый объединявший людей ритуал. Было несколько вариантов такого чтения. Во-первых, чтение вслух с последующим обсуждением прочитанного. Об этом – в рассказе «Прощание с летом» (1940):

После чая мы садились у печки и читали. В такие вечера приятнее всего было читать очень длинные и трогательные романы Чарльза Диккенса или перелистывать тяжелые тома журналов «Нива» и «Живописное обозрение» за старые годы [VI, 260].

Отметим, что в фондах Музея К. Г. Паустовского хранятся как раз такие издания – подшивки иллюстрированных журналов литературы, политики и современной жизни «Нива» за 1892 и 1898 гг.

Во-вторых, чтение собственных, только что сочиненных произведений. Такой вариант чтения описан в рассказе «Пустая дача» (<1946>), в котором понятия усадьба и дача используются как синонимы, обозначающие одно и то же пространство на «любимой подмосковной земле» [VI, 377], где живет писатель Архипов. На даче с мезонином он читает еще недописанный и трудно идущий рассказ двум молодым зенитчицам и вернувшемуся с фронта бойцу. Они, внимательные слушатели, рассеивают сомнения писателя в необходимости и актуальности его творческого замысла, вселяют в него уверенность в важности выбранной профессии.

И, в-третьих, чтение свежих газет. Знакомство с новостями – важное занятие, которое задавало определенный ритм всему дню. Даже уединенно живущий лесник Алексей Желтов, герой рассказа «Кордон “273”», встречает гостей, сидя на лавочке возле избы и читая газету. «Это была явная хитрость. Он нас давно уже заметил в окошко и нарочно вышел с газетой на порог» [VI, 417].

Для Паустовского, имевшего богатый опыт дачной жизни в разных регионах Советского Союза, отдохнувшего душой наедине с природой, открывавшего там новые пейзажи, встречавшегося с близкими и незнакомыми людьми, которым он посвящал свои очерки, которые становились прототипами героев его произведений, на протяжении всего творческого пути важен дачный топос, близкий, но не тождественный традиционному для русской классики усадебному топосу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданова О. А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
2. *Богданова О. А.* Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 3. С. 10–29.
3. Горький – Федин [Переписка] // *Литературное наследство*. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 461–564.
4. *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 524 с.
5. *Тропкина Н. Е.* Художественная семантика дачного топоса в русской поэзии второй половины XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 4 (68). С. 28–132.